

63
XV II

МУРЗИЛКА
№ 4 ЖУРНАЛ ЦИ ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО
СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
АПРЕЛЬ
1961
ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

ВСЛЕД ЗА СОЛНЫШКОМ

Рис. В. ЧИЖИКОВА

Каждый день далеко-далеко на востоке встаёт над океаном горячее солнце. Встаёт, освещает холодные волны, прибрежные скалы и отмели, курчавые сопки, серебряные ленты рек, освещает луга и пашни, города и заводы.

Москва ещё спит крепким сном. А там, на востоке, у берегов Тихого океана, уже давно проснулись люди, уже поработали немало, обедать собираются...

Гремят лебёдки во Владивостокском порту. Взлетают тюки, бочки, ящики... Полощутся на мачтах разноцветные флаги. Со всех концов земли приходят сюда, во Владивосток, большие корабли — тот бананы привёз из Вьетнама, тот рис из далёкой Бирмы, тот кофе из Бразилии... Здесь и грека встретишь, и японца, и итальянца. Владивосток — восточные ворота нашей Родины. Сюда, в эти ворота, завозят к нам заморские товары, и от нас за моря везут машины, ткани, хлеб.

Хороший город Владивосток, и народ там живёт хороший. Ходят по улицам города молодые загорелые моряки. Встретятся, разговорятся:

- Давно дома!
- Вчера пришёл из Австралии. А ты!
- Уже неделю здесь. Завтра опять уходим на промысел, за селёдкой, к камчатским берегам.

Спеши, курьерский поезд,
За солнышком вослед!
На этот дальний поезд
Вручаем вам билет.

Мы Родину-красавицу
В окошко разглядим.
Наш поезд отправляется,
Наш поезд называется —
ЭКСПРЕСС

НОМЕР
ОДИН.

Итак, начальник станции
Даёт свисток,
Начальник первой станции
ВЛАДИВОСТОК.

ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА

Семен ШУРТАКОВ

Рис. А. БРЕЯ

Папа у Кости служит на Тихоокеанском флоте, на подводной лодке. Оставшись на сверхсрочную службу, он написал им с мамой, чтобы ехали к нему.

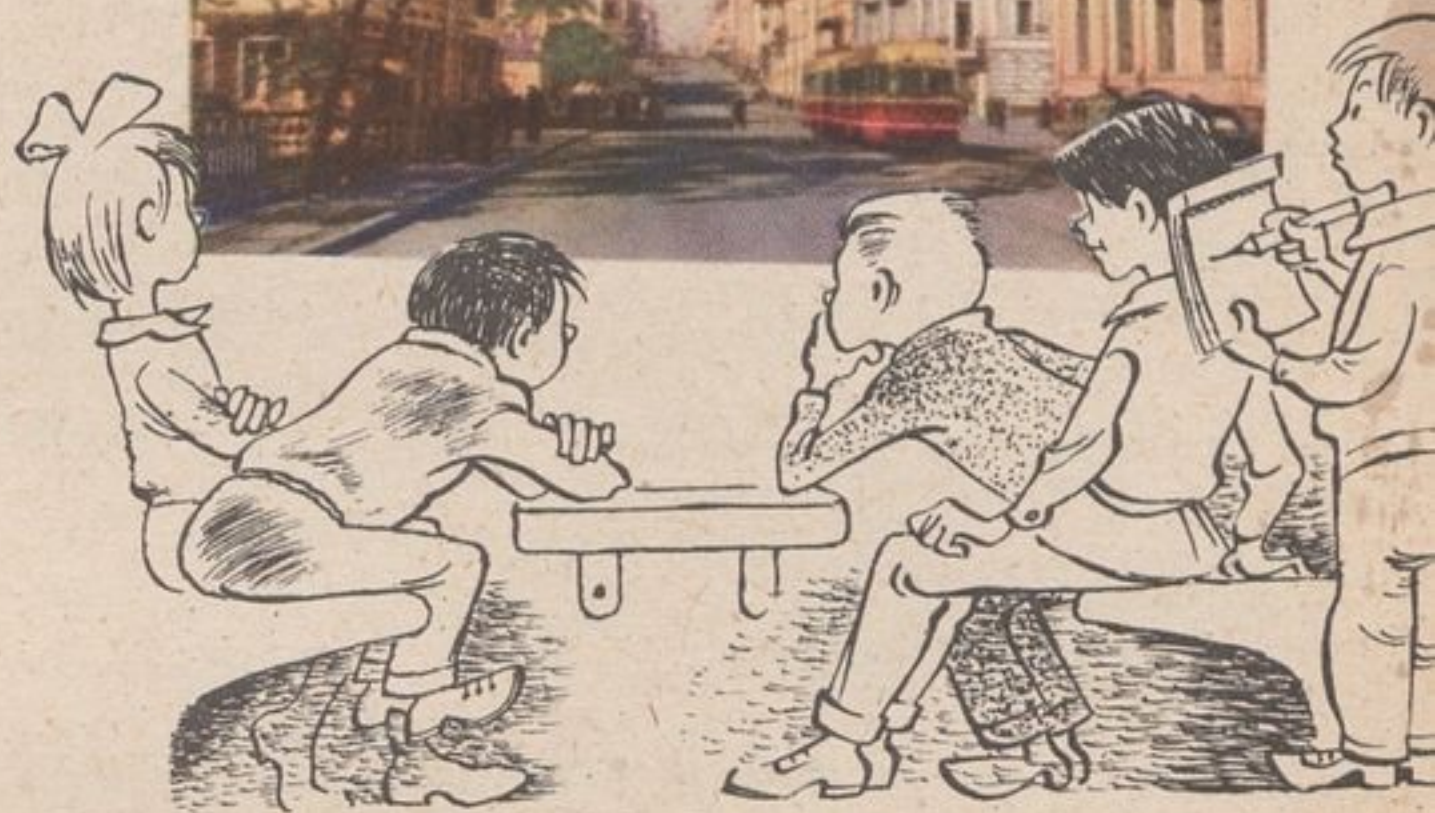
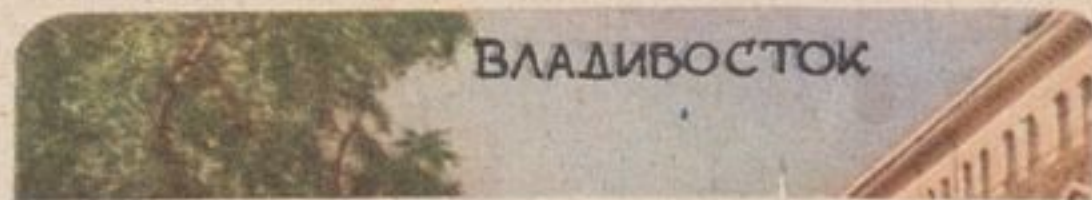
Смелые люди дальневосточные моряки. В шторм, в непогоду, в мороз работают они на своих кораблях, добывают рыбу, китов, огромными сетями достают крабов из глубин океана.

Смелые люди и на берегу живут в тех местах. Разве мало отваги нужно, чтобы живого тигра поймать и скрутить верёвками! А дальневосточники ловят! В разведку идти, искать золото, железо, уголь — там тоже смелость нужна. И город строить в тайге слабому человеку лучше не браться.

Вот поэтому туда, на Дальний Восток, и едут самые бесстрашные люди — комсомольцы.

Это они поставили там свой город — Комсомольск-на-Амуре. Это они заброшенный бедный уголок России превратили в богатый советский край.

А когда ты подрастёшь — если ты смелый, решительный, отважный, — и тебе найдётся работа на Дальнем Востоке. На берегу Тихого океана, в советском Приморье для отважных людей дела непочатый край.

«Владивосток — город красивый, — писал отец. — Стоит он по берегам бухты Золотой Рог. И когда подходишь к нему с моря через Золотые Ворота...»

Костя прижмуривал глаза и пытался представить себе бухту с таким красивым названием и те самые ворота, о которых писал отец.

И ночью, под мерный стук колёс, снилась Косте голубая, изогнутая, как рог, бухта и огромные золотые — из чистого золота! — ворота, через которые входят и выходят корабли.

Когда приехали во Владивосток, Костя и не заметил, как очутился на руках у отца. Отец щекотал ему щёку своими мягкими усами, и от него пахло одеколоном и табаком.

— Приехали, — говорил отец. — Вот и молодцы!

— А когда море глядеть пойдём? — сразу же спросил Костя.

— Да хоть сегодня же, хоть завтра, — весело ответил отец.

— Конечно, завтра, — сказала мама.

— Конечно, сегодня, — сказал Костя.

Отец промолчал, только незаметно подмигнул Косте.

По дороге домой Костя всё хотел спросить про подводную лодку, как это она под воду ныряет, а тонуть не тонет, да забыл — на блестящие отцовские пуговицы, на фуражку с кокардой загляделся. А когда пришли домой, догадливый отец сам показал Косте газету, на первой странице которой строгий дядя — моряк в такой же, как у отца, фуражке — крутил какое-то колёсико. Со всех сторон дядю окружали большие

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
ИМЕНИ
В. И. ЛЕНИНА
1931 г.

п-62-3254

ЧИТА

ИРКУТСК

и маленькие циферблаты с длинными стрелками.

— Это приборы, — объяснил отец, указывая на циферблаты. — Когда лодка под водой находится, по ним видно, куда и на какой глубине она идёт.

Костя стал рассматривать фотографию. Но отец опять хитро подмигнул и как бы между прочим сказал маме:

— Ты отдыхай с дороги или наводи тут порядок, а мы с сыном пойдём всё же глянем на город, на море. Хочется парню!

Ну что за умница отец! Всё-то он знает, всё-то он понимает!

И вот они идут главной улицей Владивостока — Ленинской. И если направо посмотреть — видно, как дома друг за другом на гору карабкаются, налево — за домами нет-нет да и корабль какой увидишь, вода в просветах синее.

В небольшом садике у памятника они останавливаются.

— Это Лазо, — говорит отец, — партизанский командир.

— «Вот за эту русскую землю, на которой я стою, — с трудом разбирая бронзовые буквы на памятнике, прочитал Костя, — мы умрём, но не отдадим её никому».

— Так сказал Лазо.

Косте понравились слова, похожие на клятву.

Потом они сели в машину и поехали на мыс Эгершельд. С этого высокого мыса вся бухта видна была как на ладони; множество больших и малых кораблей стояло у причалов, а по берегам бухты раскинулся город.

— А теперь погляди сюда.

Костя глянул вправо.

— Это... — он не договорил, задохнувшись от счастья.

Такая же синяя, как в бухте, вода расстила-

лась перед ним далеко-далеко, до того самого места, где начиналось небо.

— Да, это море, — тихо и, как показалось Косте, торжественно сказал отец. — А это вот — Золотые Ворота.

— Где? — не понял Костя.

— Да вот же, — отец показывал на вход в бухту, но ничего похожего на ворота, тем более золотые, там не было.

— Ворота на море, конечно, не поставишь, да и ни к чему, — пояснил отец. — А называется так потому, что какой бы корабль откуда бы ни шёл — в бухту только через это место попасть может. Получается, как через ворота...

Костя вздохнул. Теперь ему было понятно, а всё же те ворота, которые он во сне видел, были красивее...

— А вот на твоё счастье и подводная лодка показалась. Гляди, гляди, всплывает!

Костя поглядел, куда показывал отец. Из воды сначала выросла круглая башня, а потом показали и плоские борта подводного корабля.

— А где твоя лодка? — спросил Костя.

— Наша стоит в базе.

— А ты на ней главный? — Косте очень хотелось, чтобы отец был самым главным.

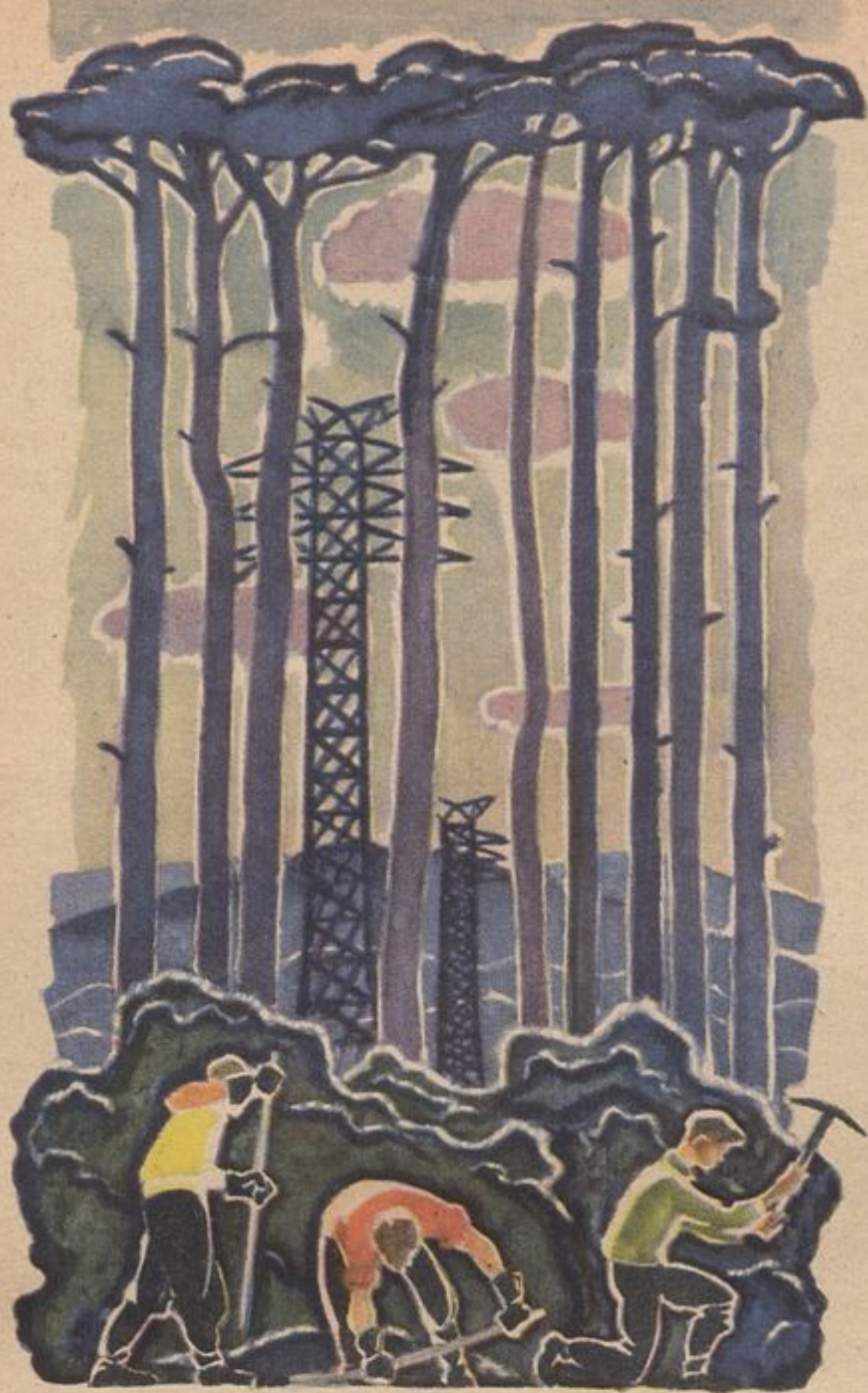
— Нет. Главный — командир. Я — боцман. Я главный разве что, когда лодка под воду уходит и когда всплывает.

Ну что ж, и это хорошо!

В это время вдруг прорвалось сквозь облака и засияло, засверкало солнце. И — что за чудо? Под солнцем взялась жарким золотым огнём вода в том месте, где лодка входила в бухту, и Костя замер от удивления: вот же они, Золотые Ворота! Почти совсем такие, какие виделись.

И не через эти ли ворота солнце и приходит на нашу советскую землю: ведь раньше, чем здесь, писал отец, оно нигде не встаёт.

ВЕЛИКАНЫ

В. КОРЖИКОВ

Рис. Ю. КОПЕЙКО

Высоки горы Сихотэ-Алиня. Высоки ели и лиственницы в сихотэ-алинской тайге. Порой какое-нибудь облако отобьётся от стаи, заплывёт в лес и блуждает, белея, между деревьями. Кажется, будто овца траву пощипывает.

И всё же выше гор и выше леса подняли головы стальные великаны — опоры. Стоят они над тайгой, как Гулливеры, и тянут на плечах с перевала на перевал электрические провода.

Долго ехал я на машине по горам, а провода всё тянутся. Стала машина: дальше ехать некуда — пропасть. Я пешком пошёл. Пробираюсь под опорами совсем как лилипутишка и думаю: «Кто этих великанов сюда привёл! Зачем они так далеко идут!»

Вдруг где-то за деревьями стук послышался. Наверное, дятел сосну долбит. Выбрался я на просеку — люди землю копают. Все молодые. Кто киркой работает, кто ломом. Рубашки скинули, пар от спин поднимается.

— Что это вы делаете! — спрашиваю.

— Ямы для опор. В горах у нас посёлок есть. Тетюхе. Там руду добывают, большие машины работают. Им электричество нужно. А в другом посёлке, на реке Сучан, есть большая электростанция. Вот мы и ставим в тайге этих великанов, чтобы они от Сучана до Тетюхе провода держали.

Остался и я поработать. Взял кирку, размахнулся. Выбил ямку в земле, а под ней скала. Присмотрелся я: у всех тоже под киркой камень, и все долбят — только осколки летят во все стороны. И я работать стал. Скоро по спине первая капля пота покатилась.

Вечером мы домой, в избушку к строителям, отправились. Под ногами вода хлюпает. Кругом грязь, болото. Даже маленький бурундук в стороне и тот по веточке, как по мостику, с кочки на кочку перебирается.

— Как же вы тащили этих великанов! — говорю. — Здесь машина не пройдёт и трактор провалится.

— А мы для них дорогу вымостили. Прорубили в лесу просеку, уложили брёвна одно к одному, связали их. Почти шоссе получилось!

Устал я, свалился на кровать. За окном ветер гудит, деревья раскачивает. А железные великаны и не покачнутся. Сильные люди их поставили.

НА САМОЙ ГРАНИЦЕ

БЫЛЬ

В Хасанском пограничном отряде мы служили вместе с ефрейтором Аникиным. Я приехал на Дальний Восток с берегов Волги, а Вениамин Аникин из Сибири. Неподалёку от сопки, которая на военных картах называлась «Высотой с тремя кустами», в широком распадке был

домик с красной железной крышей — застава. Много отличных комсомольцев служило на заставе, а вожаком у них был кареглазый силач Аникин.

На той стороне границы стояли с танками, пушками и пулемётами японские самураи. Они были полны злобы к нашей стране. Но один на один драться с нами японцы побаивались: ждали, когда немецкие фашисты нападут.

Зорко охраняли пограничники сопку: с её вершины видны были укрепления Советской Армии, аэродромы, корабли... На дворе — стужа, метель, а солдаты идут охранять границу; буря деревья ломает, они всё равно карабкаются на сопку.

В 1941 году началась война с фашистами. Но по-прежнему на заставе солдаты пуще глаза берегли границу.

Однажды на Высоту с тремя кустами в дозор пошли четыре пограничника: Вениамин Аникин, Николай Смирнов, Алексей Винокуров и Николай Герасимов. Командовал четвёркой Вениамин.

Моросил дождь. Затаившись в камнях, пограничники чутко вслушивались в ночь. К утру дождь стих. Солдаты уже стали собираться на заставу. Они промокли и здорово озябли. Неожиданно Смирнов толкнул Аникина в бок: «Смотри!»

По склону сопки карабкались самураи. Впереди, с саблей на боку, с пистолетом в руке, офицер, сзади — невысокий щуплый солдат. Через плечо у него была перекинута верёвка: японским солдатам приказали во что бы то ни стало захватить пограничников в плен и выведать у них военную тайну.

Пограничники затаились. Двадцать против четверых! Но среди четверых не было трусов.

Подпустив японцев ближе, Аникин поднялся. — За мной! — крикнул он и бросил гранату.

Японский офицер выстрелил в него, но промахнулся и тут же выхватил из ножен саблю. Увернувшись от удара, Аникин прикладом винтовки что есть силы ударил японца по голове.

Алексей Винокуров дрался справа от Аникина. Хуже других пришлось Смирнову. Японцам удалось сбить его с ног. К нашему солдату уже бежал вражеский солдат с верёвкой. Аникин был ранен, но первым кинулся на выручку.

Бой на высоте то утихал, то разгорался с новой силой. Пограничники закрепились в окопе. Совсем мало осталось у них сил. Но товарищи с заставы уже спешили к ним.

С того памятного дня сопку, где сражалась отважная четвёрка, стали именовать «Высотой Аникина».

...Сейчас Вениамин Иванович живёт в Свердловской области. Кто поедет из Владивостока в Москву, может заехать к нему. Бывший пограничник расскажет о колхозе, в котором вот уже много лет он работает партийным секретарём.

ВНИМАНИЕ, ВНИМАНИЕ!

Говорит радиоузел
ЭКСПРЕССА
НОМЕР ОДИН! Наш
поезд следует до сто-
лицы нашей Роди-
ны — Москвы. Сле-
дующая станция —
Хабаровск.

МОСКВА

«Юность В. И. Ленина».

С картины В. Прагера

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЛЕНИНА

М. СВЕТЛОВ

День рождения Ленина
Выйдем мы встретить с утра.
В этот день соберутся
И взрослые и детвора.
И взрослые скажут,
И хором ответят им дети,

Что нет человека
Роднее, чем Ленин,
На свете!

И в небе весеннем,
Как птица, взовьётся над нами
Большое, крылатое
Алое Ленина знамя!

ПАКЕТ ИЗ МОСКВЫ

Нурадин ЮСУПОВ
Рис. М. УСПЕНСКОЙ

По камням звенят копыта,
В горы держит путь джигит.
На папахе у джигита
Лента красная горит.

Говорить хотят с Омаром
Все в ауле — мал и стар.
Ведь в России комиссаром
Стал у Ленина Омар.

Саблю носит честь по чести,
Конь под горцем вороной.
— Ну, сосед, какие вести
Ты привёз в аул родной?

Трубку вынул,
на колени
Положил Омар кiset.
— Заболел товарищ Ленин.
Весть недобрая, сосед.

Горше в мире нет печали.
В этот вечер у реки
Молча женщины стояли,
Спиныгнули старики.

И притихли вдруг ребята,
Всё смотрели вдаль куда-то —
Где там Горки? Где Москва?

Погасила жар заката
Южной ночи синева.

Проходи скорее, ночь!
Что придумать? Чем помочь?

Есть родник один за горной
Неприступною грядой —
Лечат раны животворной
Родниковою водой.

Только где Москва-столица?!
Сколько дней пути туда!
И в пути не сохранится
Родниковая вода.

Воздух гор цветы впитали —
Только их не довести,
Свежий запах гор едва ли
Сохранят они в пути.

* * *

Утром рано из аула
Всех ребят как ветром сдуло.

Поднялись ребята в горы
И, взобравшись на утёс,
Отыскали дуб, который
Над ключом прозрачным рос.

Рослый, древний и могучий,
Дуб стоял над самой кручей,
И не гнулсЯ он в беде.

Нет, пожалуй, палки лучшей
Им не вырезать нигде.

Не круты для горца горы,
Если он берёт с собой
Палку — лучше нет опоры,
С ней тропой пройдёшь
любой.

* * *

Снова в путь пора Омару,
Конь оседлан вороной.
И подходят к комиссару
Дети с просьбою одной:

— Мы украсили резьбою
Эту палку, как смогли.
Ты возьми её с собою.
Пусть от наших гор вдали
Ильичу опорой станет
Эта палка — скромный дар.

— Ай, джигиты в Дагестане!
Улыбнулся комиссар. —
Палка добрая. Без спора
Я подарок захвачу.
Только лучшая опора
Вы, ребята, Ильичу.

* * *

Дни за днями полетели.
Дождь осенний моросил,
Ворвались зимой метели,
В мае выбились из сил.

И в аул однажды летом
Прискакал гонец с пакетом.

Сколько есть окрест селений —
Все посланцев шлют.

Хотят

Люди знать, что пишет Ленин
В том пакете для ребят.

Почерк чёткий, без помарок,
Есть печать из сургуча.
Не письмо там, а подарок
Для ребят от Ильича.

Тридцать галстуков горят
В том пакете для ребят.

* * *

Флага алого частица,
Галстук — огненная птица —
Рвётся вдаль, зовёт в полёт,
На ветру он разгорится,
Ливень пламя не зальёт!

В том ауле под горой
Пионеры стали в строй.

На мальчишек всех селений
Смотрят с гордостью такой,
Словно каждый галстук Ленин
Повязал своей рукой.

Словно каждому мальчишке
Посмотрел Ильич в глаза,
Словно каждому мальчишке
«Будь готов!» Ильич сказал.

И дорожке нет на свете
Тех простых и гордых слов —
Каждый, строй держа, ответил
Ильичу:

«Всегда готов!»

Перевёл с лакского Г. МАМЛИН

ГРАЖДАНИН РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РАССКАЗ ОБ ОДНОМ ДЕКРЕТЕ

Сергей АЛЕКСЕЕВ

Рис. А. ЛИВАНОВА

Жил Данилка в подвале высокого дома в Питере, на Литейном. Родился здесь Данилка, вырос и всех жильцов знал наперечёт и в лица.

Первый этаж занимала графиня Щербацкая. На втором — комнаты князя Пирогова-Пищаева. Ещё этажом выше — тайный советник Горохов. А на самом верху — статский советник Ардатов. Жильцы все именитые, разных важных чинов и званий. И лишь Данилкин отец, Данилкина мать да и он сам, Данилка, из простого народа.

Много разного было за последние дни, с той поры, как произошла революция. Данилка даже устал удивляться. Но в этот день...

Принёс Данилкин отец газету, развернул, глянул на сына.

— Ну, — проговорил, — отныне ты гражданин Российской республики. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал.

Не верится как-то Данилке, да и что такое гражданин Российской республики — не совсем ясно.

— А это важнее, чем статский советник? — спрашивает он у отца.

— Важнее, — улыбнулся отец.

— И важнее, чем тайный?

— Важнее, чем тайный.

— И больше, чем граф?

— Больше.

— И выше, чем князь?

— Выше, выше, — смеётся отец.

Бросился Данилка на улицу, побежал к дружкам своим и приятелям.

Встретил Ванюшку Дозорова.

— А у меня звание высокое-высокое, — зачастил мальчик, — важное-важное, важнее, чем статский советник, важнее, чем тайный, больше, чем граф, выше, чем князь! Я — гражданин Российской республики! В газетах про это написано. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал!

Побежал Данилка дальше, встретил Любу Козулину.

— А у меня звание высокое-высокое, важное-важное...

Многих повстречал в этот день Данилка и всем про одно и то же. Наконец утомился, сел возле дома. Сидит, думает: и откуда это Ульянов-Ленин узнал про него, Данилку? Кто бы это мог Ленину рассказать?! Думает и вдруг видит: мчит к нему рыжий Кирюха. Подлетел Кирюха, перевёл дыхание и сразу же:

— Знаешь, кто я? Я — гражданин Российской республики!

Данилка даже икнул от неожиданности.

— Какой же ты гражданин? — произнёс он с насмешкой. — Это я гражданин. Это про меня в газетах написано.

— Про тебя! — присвистнул Кирюха. — Станут на тебя изводить бумагу.

Сжались от обиды в кулаки Данилкины руки. Подступил он к Кирюхе. Выбрал момент и — раз!

Началась драка.

— Я — гражданин!.. — пытается перекричать Данилка Кирюху.

— Нет, я — гражданин!.. — вопит на всю улицу рыжий Кирюха.

Проходил в это время по улице рабочий парень. Он и разнял ребят. Те долго молчали, не говорили, в чём дело. А потом рассказали. Усмехнулся парень, полез в карман, вынул газету. Стали ребята по складам разбирать.

«Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов», — прочли они заголовок. А далее сообщалось о том, что всякие звания: дворянин, купец, мещанин, а также все важные титулы: князь, граф, тайный советник, статский и прочие — уничтожаются и устанавливается одно, общее для всего населения России название — гражданин Российской республики.

Внизу шла подпись: «Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин)».

— Так что, выходит, вы оба правы, — заявил парень. — И ты гражданин Российской республики, — показал он на Данилку, — и ты, — показал на Кирюху, — и я — все теперь граждане Российской республики. Для всех простых людей Владимир Ильич Ленин написал этот декрет.

Поначалу, конечно, Данилке было обидно, что декрет написан для всех, а не только для него одного. Однако вскоре он понял, что так даже лучше. Получается, что Владимир Ульянов-Ленин никого не забыл: ни Данилкиного отца, ни Данилкину мать, ни дружков его, ни приятелей — всех вспомнил. Молодец Ленин!

Зато графине Щербацкой, князю Пирогову-Пищаеву, тайному советнику Горохову и статскому советнику Ардатову, видимо, ленинский декрет не понравился. Сбежали они за границу. Ну и хорошо! Ну и скатертью дорога! Поселились в высоком доме на Литейном новые люди, такие же простые, как Данилкины мать и отец, — рабочие люди. Они стали не только гражданами, но и хозяевами всей страны.

ПИСЬМО БАРАБАНЩИКА

Я. АКИМ

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

Я по улицам хожу,
На прохожих я гляжу.
То в толпе, то в окне
Борода — куда там!
Вот бы сделаться и мне
Дядей бородатым.

...Одноклассники в трамвае
Затишают неспроста
И, меня не узнавая,
Уступают мне места.
Рядом говорит народ:
— Молод, а чернобород!
— Может, с Кубы? — шепчут губы.
— Куба! — слышу я везде.
Угадали. Из-за Кубы
Я мечтал о бороде!
Сроду не был я на Кубе.
Я поехать в Крым хотел,
А сегодня в нашем клубе
Фильм про Кубу поглядел.

...То верхом по тропке горной,
То пешком через ручей,
Иногда в воде по горло
Шёл отряд бородачей.
Их солдаты окружали,
Убивали наповал,
За решётку всех сажали,
Кто повстанцев укрывал,
Кто за правду воевал.
Шли на них враги, зверея,
Но поклялся командир:
— Братья, мы бород не сбреем
До того, как победим!

...Будто всё не на экране,
Будто сам я на войне.
Если кто из наших ранен,
Больно делается мне.
Это я с Фиделем Кастро
Занимаю города.

На моих щеках скуластых
Отрастает борода.

...Вот она пришла, свобода!
Радуйтесь — войне конец!
Партизан стоит у входа
В губернаторский дворец.
Нету главного фашиста
По фамилии Батиста:
Он от страха задрожал,
За границу убежал.
Кубу он решил предать
И Америке продать,
Чтоб кубинские ребята
Снова стали голодать.

Чтобы снова он, Батиста,
Управлять страной пришёл,
Чтоб могли капиталисты
Строить тюрьмы вместо школ.
Слышите, запели трубы:
— Встанем на защиту Кубы!
— Над республикой опасность!
За оружие! На коня!..

Вот письмо:

«Фиделю Кастро.
Куба. Срочно. От меня.

Только пусть враги посмеют,
Я винтовку взять сумею,
К вам, на Кубу, попрошусь,
В добровольцы запишусь.

Если надо, приложил я
Фотографию свою:
Вот у знамени дружины
С барабаном я стою.

Это я, Калинин Вася.
И прошу меня простить,
Потому что в пятом классе
Трудно бороду растить.

Мы желаем вам победы,
Кубе — счастья и удач!
До свиданья! Жду ответа.
В. Калинин, бородач».

ДЕПУТАТКА

— Поглядывай, в сапоги не залил бы! Что воды-то на воле, воды! — чуть окая, наставляла меня хозяйка — приветливая краснолицая тётя Таня. — Главное дело — ноги!

Прошлой весной, как и всегда, я гостил в этой крохотной лесной деревушке на берегу омутистой Нерли. И собирался на денёк в Москву.

Но тут в сенях застучали, тонко запела дверь, потянуло резким мартовским воздухом, и сквозь образовавшуюся щель в избу бочком протиснулась Алюха. В руках она крепко сжимала небольшой свёрток в чистой холстинке.

Алюха — маленькая, толстенная, носик у неё «уточкой», с приплюсом, глазки голубые. Бровей я что-то вообще у Алюхи не замечал — так, пушок один. Сирота она, живёт у бабушки Фени, от нас через дом. Учится во втором. Хозяйственная очень — даже корову сама доит. И до всего ей дело. На деревне кто-то прозвал её «депутаткой». Так и прилипло.

— Что скажешь? — спросил я, подтягивая сапог.

Но она глядела исподлобья, часто помаргивая. Никогда я не видывал Алюху такой хмурой.

— Что скажешь, спрашиваю? — повторил я, поднимаясь с табуретки.

— Секрет, значит, завёлся! — расплылась в широкой улыбке тётя Таня. — Ну побеседуйте, а я покуда за водой схожу.

И, звякнув дужкой ведра, хозяйка не спеша вышла из избы.

— Да выкладывай же наконец! — сказал я, оставшись вдвоём с Алюхой. — Военная тайна, что ли?..

Алюха подошла ближе, развернула холстинку и достала из неё самый обыкновенный будильник. Поставила она его боком, уперев о стол никелированной пупочкой звонка, отчего ножки будильника беспомощно задрались вверх.

— Ну и что же дальше? — недоумевал я.

И вдруг Алюхино лицо сморщилось, и крупные слёзы быстро-быстро покатались по пухлым щекам.

— Не ходит! — громко всхлипнула она.

— Утро загадок! — пожал я плечами. — Пожалуйста, только спокойно! И короче. Тороплюсь.

— Школьный это! Из учительской! — прерывисто заговорила Алюха. — Тонька Голубева вчера его с мылом вымыла. Вот он и ходить перестал. С мылой и мочалком. — Тут, по пустяку оговорившись, она опять всхлипнула. — Убирались мы в учительской — самообслуживались. Вот и недосмотрели. Тонька ведь ещё маленькая, глупая. Только в первом учится... Разве это допустимо, будильники с мылом мыть? Как Анна Ивановна вернётся — и что это Тоньке теперь будет?! Может, и в лагерь не отправят. И дома, между прочим, выпорют... А за что — разобраться?.. Разве она нарочно?.. Разве?..

— Погоди, — прервал я Алюху. — Читал я, как одна хозяйка вот таким же манером со своей куклой расправилась. Всё выражение с лица её состирала. Так всё-таки то кукла, не будильник!.. Ну?

— Ну вот я и принесла!.. Дядечка, дорогой! Мы слышали, ты в Москву собираешься. Я и денег собрала на починку. Может, успеют починить до приезда Анны Ивановны. В Калязине она. Три дня осталось. Ой, до чего Тоньку жалко!

— Нет, не зря тебя депутаткой прозвали! — сказал я, нагибаясь и крепко целуя Алюху в солёную щёку. — Есть за что! Хлопотунья, дорогая моя. Заступница! Утирай слёзы! А Тоньке ступай скажи — пусть не расстраивается. Будет у вас послезавтра будильник, как новенький. Привезу. И приходи тогда ко мне вечером чай пить. С московской помадкой. А заодно и Тоньку с собой приводи. Пусть и она тоже попьёт.

РАССКАЗ О ЧЕТЫРЁХ БРАТЦАХ

Е. СПЕРАНСКИЙ
Рис. Е. МОНИНА

(Продолжение)

КАК Я ГОРЕЛ НА КОСТРЕ

(РАССКАЗЫВАЕТ ПУЛЬЧИНЕЛЛА)

Помните? Итальянец Пульчинелла был в чёрной маске; откуда она взялась — никому не известно, даже самому Пульчинелле: тайна его маски уходит в глубь веков.

Когда Пульчинелла заговорил, он не снял маску, потому что снять её невозможно: она не из материи и не из бумаги, а просто часть его рожицы покрашена чёрной краской. От этого слушать его было и страшно и весело: ведь в чёрной маске всегда есть что-то загадочное.

— Мы, кукольные братцы, очень живучие, — так начал Пульчинелла, — живём подолгу, не то что человек... — Тут он взглянул на меня, и остальные братцы тоже.

— Это потому, что нас ремонтируют, — объяснил Пульчинелла, — оторвётся рука — пришивают другую; расколется голова — режут из дерева новую. Я уж и забыл, сколько раз меня так подновляли. Может быть, от меня, от прежнего, ничего и не осталось... И всё-таки я твёрдо знаю, что я — это я, что я — Пульчинелла!

— Ты Пульчинелла! — хором подтвердили остальные братцы.

— Грацие, — сказал он, что значит «спасибо» по-итальянски.

— Однажды, например, я почти весь сгорел на костре...

— Как сгорел, когда?! — воскликнули братцы.

— Триста или четыреста лет назад, точно не помню... Тогда ещё думали, что Солнце, Луна и звёзды стоят неподвижно в небе, а человека на каждом шагу подстерегают черти, демоны, дьяволы и прочая «нечистая сила». А всех, кто сомневался в этом, объявляли безбожниками, колдунами, ведьмами и сжигали на кострах...

— Ох! — охнули братцы.

— Этим страшным делом заправляли попы и монахи — они тогда были в большой силе: даже короли и министры боялись «святых отцов» — так их тогда называли. В тот год они сожгли великого учёного Джордано Бруно... «Нет ни чертей, ни дьяволов, — так учил Джордано Бруно, — а Солнце, Луна, Земля и звёзды не стоят неподвижно: они летят, кружась в бесконечном пространстве...» То же самое он говорил на площади, привязанный к столбу. И когда

вспыхнул хворост и огонь стал подбираться к его телу, вся толпа вздрогнула, и многие засомневались. «Как же так, — думали люди, — если даже пламя костра его не пугает, значит он прав? Ведь только правда может быть сильнее страха смерти!..»

— Ну вот, а вслед за великим Джордано попал на костёр и я, кукла с деревянной головой, Пульчинелла... — Тут Пульчинелла опять взглянул на меня: видно, он очень гордился, что с ним поступили так же, как с человеком.

— Моим хозяином был тогда Джованни, весёлый парень, — снова заговорил Пульчинелла, — а нашего осла звали Пэппо. После каждого представления Джованни взваливал на Пэппо ширму с куклами и говорил: «А ну, шагай,

Пэппо!» А зрители кричали: «Вива Пульчинелла!», что значит: «Да здравствует Пульчинелла!» по-итальянски. Простой народ очень любил наши представления. Но попы и монахи не дремали.

«Джованни — колдун, — говорили они, — его куклами двигает нечистая сила!..»

«Да нет же, святые отцы, — уверял их хозяин, — это я, Джованни, двигаю ими — смотрите!» И он надевал меня на руку, и я кивал головой и хлопал в ладошки... А монахи плевались, крестились и кричали: «Это маленькие дьяволы! Сжечь их! Сжечь колдуна Джованни!»

Может быть, они и понимали, что тут нет никакой «нечистой силы», но они ненавидели нас, потому что ненавидели всё смешное, всё весёлое

в жизни... И вот Джованни судили и приговорили к сожжению. К счастью, ему удалось убежать из тюрьмы. Зато мы, его «дьяволята», попали-таки на костёр!

Тут Пульчинелла хихикнул — до сих пор из-за его чёрной маски мы не знали: страшно ему или нет вспоминать всё это? Но теперь мы поняли, что ему совсем не страшно, а, наоборот, даже вроде весело.

— Это был большой костёр посреди площади, — снова заговорил Пульчинелла. — Высоко взметнулось пламя... Монахи в чёрных рясах и капюшонах запели молитвы, а мы затрещали, как сухие полешки! Нам-то, конечно, было не больно, ведь мы всего только деревянные куклы. Помню, мы даже смеялись, когда горели, правда, не от радости, а от злости на глупых монахов; так, смеясь, я и сгорел почти весь. Осталась одна моя левая ладошка...

Тут Пульчинелла замолчал. Он был опытный рассказчик и знал, где поставить точку с запятой, а где многоточие.

— Ну, а что ж дальше-то? — спросили, дрожа от нетерпения, братцы.

— Осталась моя левая ладошка, но я твёрдо знал, что она — это был я...

— Да, это был ты, только давай рассказывай дальше!

— А дальше меня, то есть мою левую ладошку, мочил дождь, сушило солнце и ветер носил её, легкую, высохшую, по всей нашей милой Италии... Так я путешествовал, может быть, год, а может быть, сто лет — почём я знаю?.. Путешествовал, пока не стукнулся обо что-то твёрдое: это оказалось башмаком. Башмак отодвинулся, и я почувствовал: меня берёт человеческая рука... Я сразу понял, чья это рука. Да, любой из нас, кукольных братцев, узнал бы эту руку! Но самое интересное, что и тот, который меня взял, тоже узнал меня по моей деревянной ладошке... «Да ведь это ладошка Пульчинеллы», — услышал я чей-то голос.

Ну да, конечно, это была рука актёра-кукольника! Его тоже звали Джованни, и он был такой же весёлый, как мой прежний хозяин, может быть, даже ещё веселей; только осла его звали не Пэппо, а Пиппо, но зато Пиппо был такой же упрямый, как Пэппо. Мой новый хозяин делал себе нового Пульчинеллу, он был почти готов, не хватало как раз левой ладошки. Он пришил мою ладошку к своему Пульчинелле, и в тот же

вечер я, или новый Пульчинелла, — называйте как хотите — уже хлопал в ладошки, кивал головой и кричал на всю площадь: «Бона сэра, синьоры!!!»

А зрители в ответ: «Вива Пульчинелла!!!»

И все началось сначала, назло «святым отцам» в чёрных рясах...

Тут Пульчинелла опять хихикнул. Из чёрной маски озорно сверкнули его глаза, и он добавил:

— Да, не так-то легко нас доконать, кукольных братцев... Нас, которых сам народ выдумал себе на забаву: ведь вот уж и в костре побывал, а всё, как видите, жив Пульчинелла!

— Жив Пульчинелла! — радостно воскликнули остальные братцы.

— Грацие, — сказал Пульчинелла и приложил свою левую ладошку к тому месту, где у человека находится сердце.

Следующим должен был рассказывать Полишинель. Но не успел он начать, как я услышал шаги: это шли пожарники запечатывать на ночь музей. И пришлось мне расстаться с моими кукольными братцами. И вот теперь я жду: что нам расскажет Полишинель?.. Я обязательно дождусь его рассказа и перескажу его вам. Уж так у нас с вами повелось!

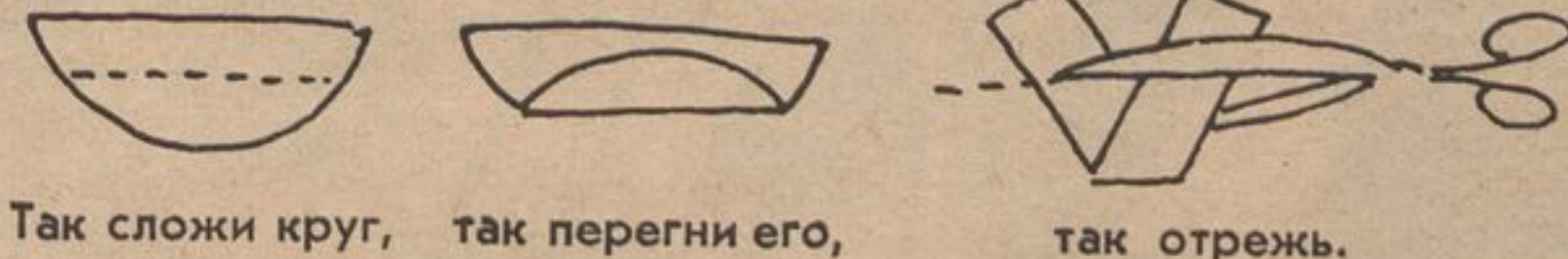
(Продолжение следует)

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, НАПЕЧАТАННЫЕ В 3-М НОМЕРЕ

1. ТРИ КРОЛИКА.

2. ВЫРУЧАЙ ПТИЦ.

Так сложи круг, так перегни его,

так отрежь.

СОВЕТСКАЯ РАКЕТА

С. ГУЩЕВ
Рис. И. КАБАКОВА

ЛЕТИТ НА ВЕНЕРУ!

Смотрите, тяжёлый искусственный спутник вышел на орбиту, закружился вокруг Земли, и от него, как от трамплина, отделилась и помчалась ввысь новая советская ракета. Куда же направили её люди? К Венере!

Это самая близкая к Земле планета и в то же время самая загадочная. Она всё время окутана облаками, и даже в сильные телескопы астрономам никак не удаётся разглядеть, что делается на её поверхности. Жарко там или холодно? Есть на ней океаны или нет? Смогут ли там когда-нибудь высадиться отважные астронавты?

О многом расскажет нам по радио советская автоматическая станция, которая сейчас приближается к Венере. Каждые пять дней на ней включается радиопередатчик и сообщает: «Полёт идёт нормально».

Только в конце мая, когда ребята уже разойдутся из школ на каникулы, станция придёт к цели.

Советский вымпел долетел до Луны за три дня, а тут ему придётся путешествовать целых три месяца!

Самая сильная капиталистическая страна — Америка не смогла послать космические корабли на другие планеты. А мы смогли! Потому что наши учёные — самые дальновидные, потому что при социализме люди могут творить такие чудеса, которые капиталистам и не снились. Придёт время — и люди на советских ракетах будут совершать полёты на Венеру и Марс, как мы сегодня путешествуем на поездах и автобусах.

ПУТЕШЕСТВИЕ В РУКОМАРУ

Юрий КАЗАКОВ

Рис. Л. ТОКМАКОВА

Люблю я проводить осень в Пицунде, потому что нет, наверное, места лучше на всём Чёрном море.

Приехал я в Пицунду и пошёл искать себе дом. Долго я ходил по солнцу, устал и присел отдохнуть на лавочке возле какой-то калитки.

Вдоль дороги росли эвкалипты — высокие деревья с узкими длинными листьями. Они начали уже опадать. Много оранжевых, шоколадных листьев и коры, свёрнутой в трубку, лежало на земле. Ребята собирали листья и кору в кучи и жгли маленькие костры. Эвкалиптовый дым был горек и пахнул лекарством.

Я понюхал дым, задумался и не заметил, как из калитки вышел мальчик Валерка. Он был в зимней шапке, глаза его серебрились, а лицо было бледно: он приехал с севера, и ему было семь лет.

— А откуда ты приехал? — спросил он.

— Я не приехал, а пришёл, — сказал я. — Я целый день шёл пешком из Гагры.

— Ух! — изумился Валерка. — А куда ты идёшь?

— А иду я... — тут я немного подумал, — иду я, братец ты мой, в Рукомару.

Никакой Рукомары, конечно, не было на свете. Но мне тут же показалось, что она есть. Может быть, на меня так подействовал запах эвкалиптового дыма или чёрные кипарисы. Или далёкие горы, которые были тёмно-красными в этот предвечерний час.

— А где эта Рукомара? — спросил Валерка.

— Совсем рядом, у моря, — махнул я рукой.

— Я ещё не видел моря, — сказал Валерка. — Я вчера только приехал. А что в этой Рукомаре?

— О! — сказал я. — Там вода утром в море белая, как молоко. А днём синяя, как небо весной. Вечером лиловая и густая, как масло. А на закате розовая. Люди там чёрные от солнца, только зубы у них белые, когда они смеются. Целыми днями сидят они на горячих камнях, пьют кофе и смотрят в море и на облака.

Я уже отдохнул, встал, взвалил свой рюкзак, но поглядел на дом, из которого вышел Валерка, на сад с георгинами и подумал: почему бы мне не пожить здесь? Тогда я вошёл в калитку, поговорил с хозяйкой и остался жить в этом доме. А Валерка стал моим соседом — он был племянник хозяйке.

На другой день я собрался на море.

— Можно, я с тобой пойду? — попросил Валерка. — А то я один не дойду до моря.

И мы пошли. Сперва мы прошли садом, открыли заднюю калитку, разогнали гусей, свернули налево, поскрипели ногами по гальке и вышли на кипарисовую аллею. Потом лесной дорогой пошли на базар. В тени возле базара дремали ишаки с пустыми корзинами.

— Ух! Это кто длинноухие? — спросил Валерка.

— Это ишаки, — сказал я. — Они пришли издалека, видишь, копытца у них в пыли. Они

пришли, наверное, из Рукомары. Они привезли нам сладкую хурму, мандарины, инжир и виноград.

Мы вошли на базар. Чёрные липкие кучи винограда лежали на прилавках. Мясистый инжир, похожий на луковки, таял на солнце. Сквозь шершавую кожу груш выступал сладкий сок. Девушки-абхазки смеялись и кричали Валерке:

— Ай, какой бледный мальчик! Хочешь винограду? Или груш?

И ещё они весело перекликались друг с другом и часто повторяли своё любимое: «Ара! Ара!», что по-русски значит: «Нет! Нет!»

Мы купили фруктов и потихоньку пошли лесом к морю.

— Куда мы идём? — спросил Валерка.

— В Рукомару, — сказал я.

Сосны были так высоки, что у Валерки падала шапка, когда он глядел на их вершины. Между длинных иголок висели крепкие шишки. В кустах нежно трещало.

— Кто это трещит? — спросил Валерка.

— Это началась уже страна Рукомара, — сказал я. — Здесь живут древесные лягушки. Они сидят на деревьях и поют, как птицы. И ещё тут есть бабочки величиной с птицу и птицы величиной с бабочку.

А впереди всё светлело, светлело, солнечный свет брызгал между стволов сосен. Птицы пели на разные голоса и, перелетая, качали ветки колючих кустов. Под ногами у нас шуршала красная хвоя, а в лицо дул влажный ветер. Наконец мы вышли к морю.

— Ух ты! — сказал Валерка, и глаза его стали синими от моря.

Мы выбрали себе место на песке и разделись. Море звенело о камни и после каждой волны говорило нам тихое, протяжное «Рррасс!», очень похожее на «Здравствуй!».

— Это и есть Рукомара? — спросил Валерка.

— Самая настоящая, — сказал я. — Здесь две тысячи лет назад жили греки. Большой город с домами из белого мрамора, с высокими каменными тротуарами стоял на берегу моря. В каналы города заходили корабли с розовыми шелковыми парусами. Греки, фригийцы, арабы, персы приплывали сюда из дальних стран. А город назывался тогда Великий Питиус. Но разрушился город и занесло его песками. А страна

Рукомара осталась, только её не каждый видит. Вон смотри, пальмы, видишь? На них растут кокосовые орехи, полные молока.

— Вижу! — сказал Валерка.

— А ещё ты видишь белые дома? — спросил я и показал ему на камни. — Видишь, из последнего дома вышел загорелый человек?

— Вижу! — сказал Валерка и показал мне на рыбака.

— Ага! Он будет ловить рыбу и жарить её потом на оливковом масле, на вкусном масле, которым солнце напityвает оливки всё лето.

А какую рыбу он будет ловить?

— Прекрасную рыбу, самую лучшую, — сказал я. — Барабульку он будет ловить — маленькую рыбку с красными пятнышками по телу, и скумбрию, и кефаль, и ставриду, и камбалу, плоскую как блин, — самую лучшую рыбу, какая только есть в море!

— А вон пароход! — закричал Валерка и показал мне тёмную точку на горизонте со слабым облачком дыма.

— Да, и пароход идёт к нам, в Рукомару, и везёт всё, что только нужно: игрушки и конфеты, куклы для девочек и ружья для ребят. Куклы эти могут говорить, как самые настоящие люди, а ружья стреляют конфетами.

— А пушки у них стреляют пирожными, да? — сказал Валерка.

— Да! Потому что эти рукомарцы весёлый и добрый народ.

Так мы, лёжа на берегу моря и греясь на солнце, как будто путешествовали в Рукомару. А вечером, наевшись сладких фруктов, накупав-

шись, купив у рыбака рыбы, набрав в лесу шишек и грибов, мы пришли домой.

Я стал готовить себе ужин, а Валерка вышел за калитку и встретил там толстого Мишеньку.

Мишенька тоже приехал на юг, и ему было семь лет. Но он приехал не один — с ним была мама, с ним был папа, и с ним была няня. Втроём они охраняли его, кормили его, купали его и втроём укладывали спать. Он был толстый, капризный и ни во что не верил. И он не любил никаких путешествий.

— Ого! Как ты загорел! — сказал он с некоторой завистью. — Где это ты загорел?

— В Рукомаре, — сказал Валерка.

— Где-е? В какой такой Рукомаре? Сказал тоже!

— Да! — упрямо повторил Валерка. — Я там был. Я был в белом городе, где люди чёрные от солнца и пьют кофе.

— Ври больше! — сказал Мишенька и засмеялся. — Наверно, в Гагре был, а выдумываешь.

— Нет, был! — закричал Валерка и сжал кулаки. — Не веришь, а я всё равно был, дурак такой! Там ходят ишаки, и уши у них как кипарисы. Они всё слышат, даже как смеётся в море рыба. А небо там сладкое, и люди, и собаки, и все ходят свободно вниз головой, прямо по небу. И они его едят ложками и языком, а кто чем! Пароходы причаливают прямо к улицам и на тротуары складывают игрушки — кому надо, тот приходит и берёт. Что! А ночью все звёзды спускаются прямо в город, плавают и светят по улицам и залетают в комнаты, потому что они не боятся людей.

— Ого-го! Вот так заливает! — кричал Ми-

шенька, но в голосе его слышалась уже неуверенность.

Тут я не вытерпел и вышел на улицу.

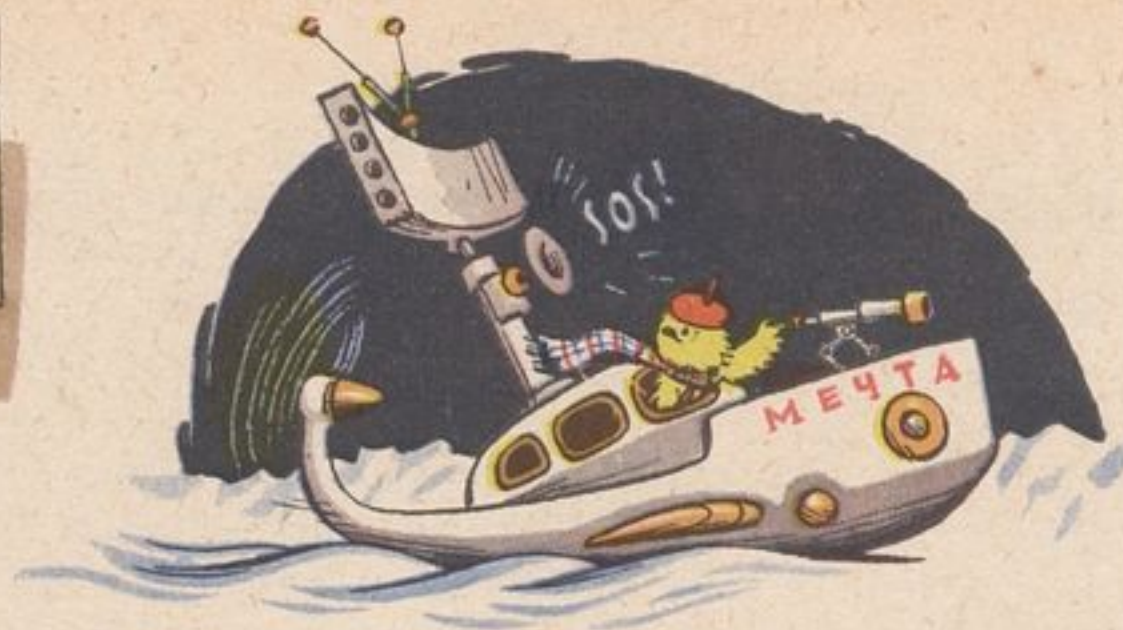
— Всё верно! — сказал я Мишеньке. — И мы с Валеркой действительно были в Рукомаре. И видели там всё, о чём он рассказал тебе. И ещё видели такое, о чём и рассказать нельзя. Рукомара близко, — сказал я, — надо только поверить в неё. И надо ещё не бояться. Нужно любить путешествия и приключения. А ещё нужно немного похудеть, чтобы не пыхтеть во время ходьбы и не пугать птиц и древесных лягушек!

После этого мы с Валеркой ушли. А Мишенька, растерянный, пошёл домой. Он был очень грустный. И он, наверное, размышлял, почему это люди так любят разные путешествия — выдуманные и настоящие, и стоит ли худеть из-за какой-то Рукомары.

А мы с Валеркой ещё много раз побывали в Рукомаре и узнали страшно много интересных вещей в этой удивительной стране.

Ф. ШАПИРО
Рис. Е. МИГУНОВА

Пришёл недавно Мурзилка ко мне и спрашивает:

— Скажи, что умеют делать октябрюта!

— Писать, считать, читать, — ответил я.

— А ещё!

— Ещё танцевать, рисовать, петь, играть в разные игры...

— А мечтать они умеют!

— Ну конечно же! — воскликнул я. — Все умеют мечтать. Вот у тебя есть мечта!

— Есть!

— А какая она?

— Самая разная. Иногда большая, как шагающий экскаватор, а иногда совсем маленькая, как игрушечная лодочка.

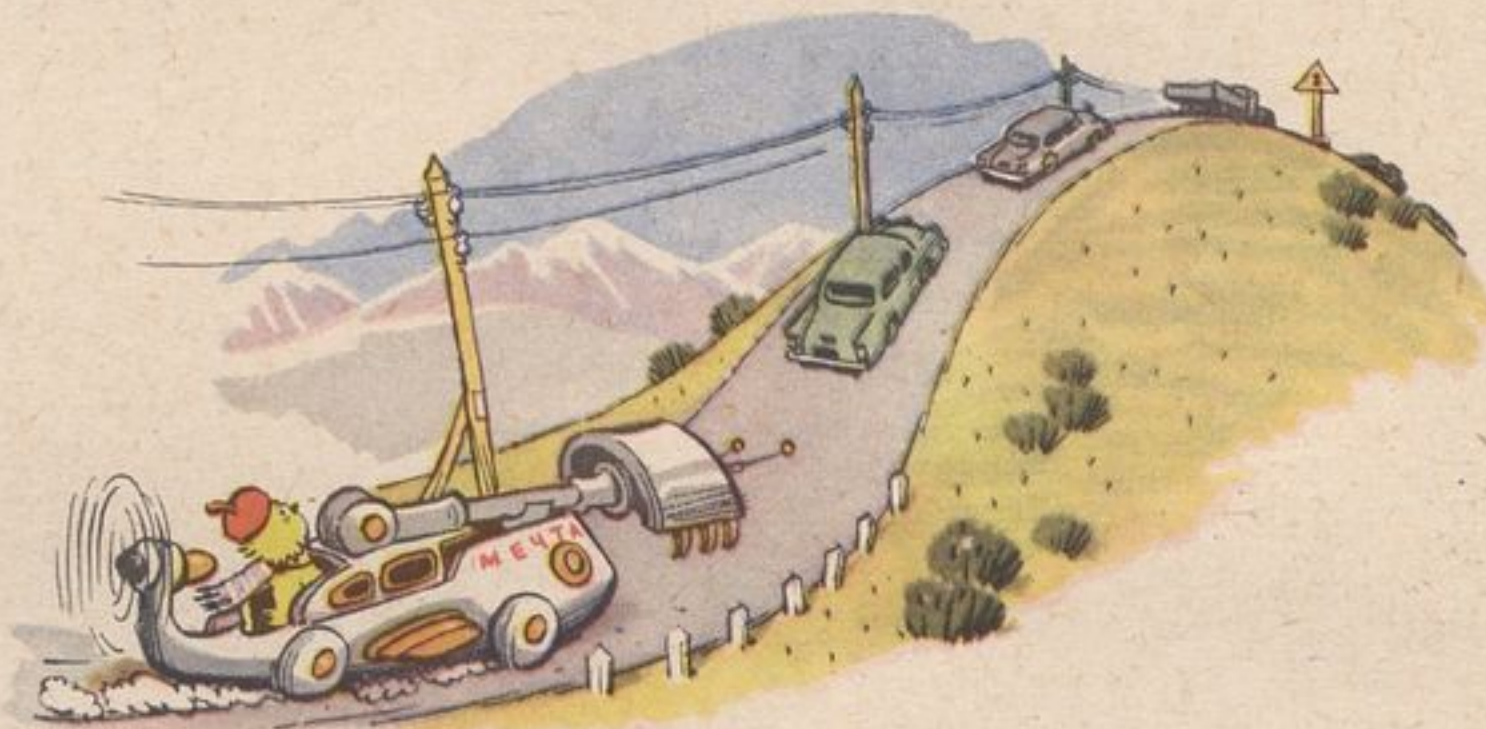
— Очень интересная мечта! — сказал я. — Расскажи мне о ней!

— Хорошо! — согласился Мурзилка. — Только пусть все ребята напишут мне, о чём они мечтают. А кто сможет, пусть и картинку нарисует.

Вот когда я получу их письма, тогда и поверю, что они умеют мечтать. А сейчас смотри.

1. Плыл я как-то по Белому морю. На волнах качался, на дальние страны смотрел. Вдруг раздались тревожные сигналы: «SOS! SOS!» — Скорее на помощь!

2. Для самолёта тысяча километров — это час полёта. А для мечты и десять тысяч — пустыки. Я и испугаться не успел, а уже перенёсся в Ледовитый океан.

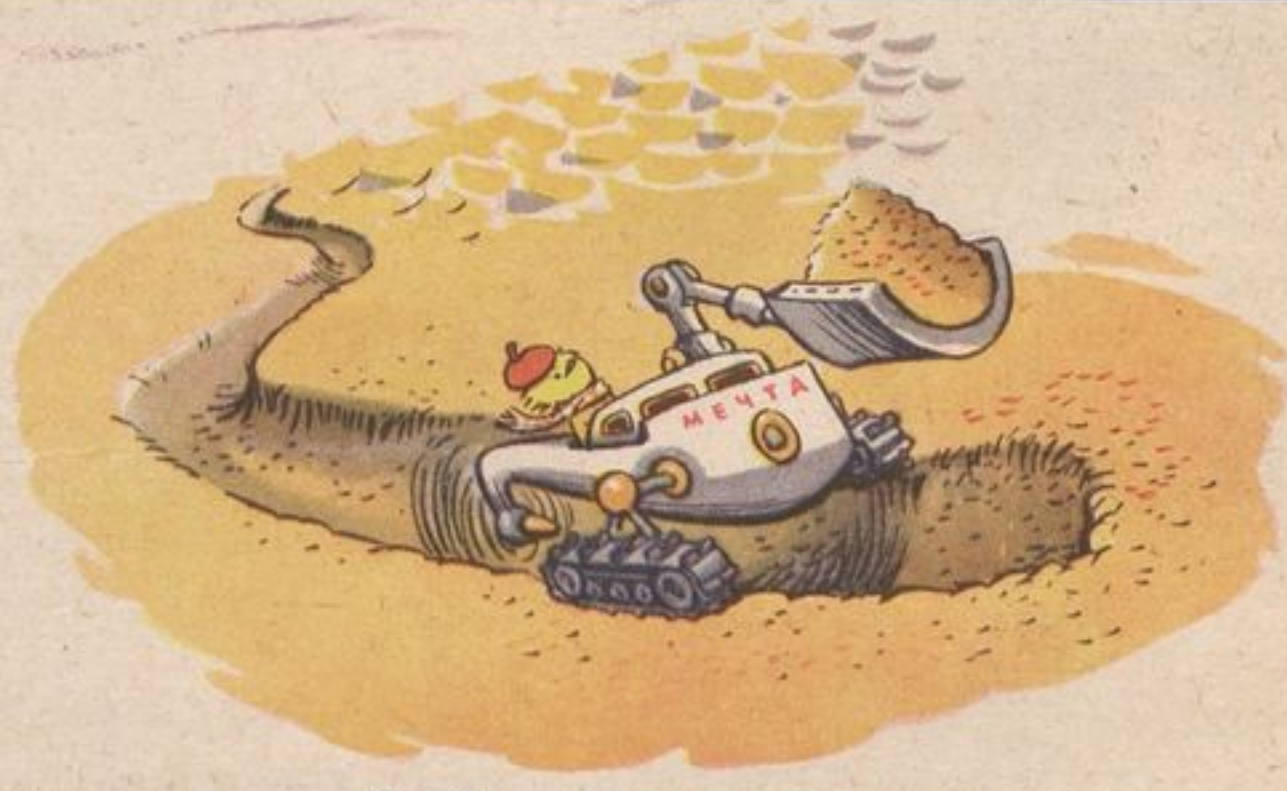

5. В другой раз мчался я к знакомым ребятам. Смотрю: впереди гора. Я, конечно, мог бы через неё мигом пере-

лететь — для мечты и покруче вершины не помеха. Только настоящая мечта никогда лёгкого пути не ищет!

8. А однажды залетел я в пустыню. Кругом пески желтеют. И нигде — сколько я ни смотрел — ни речки, ни озера не видно!

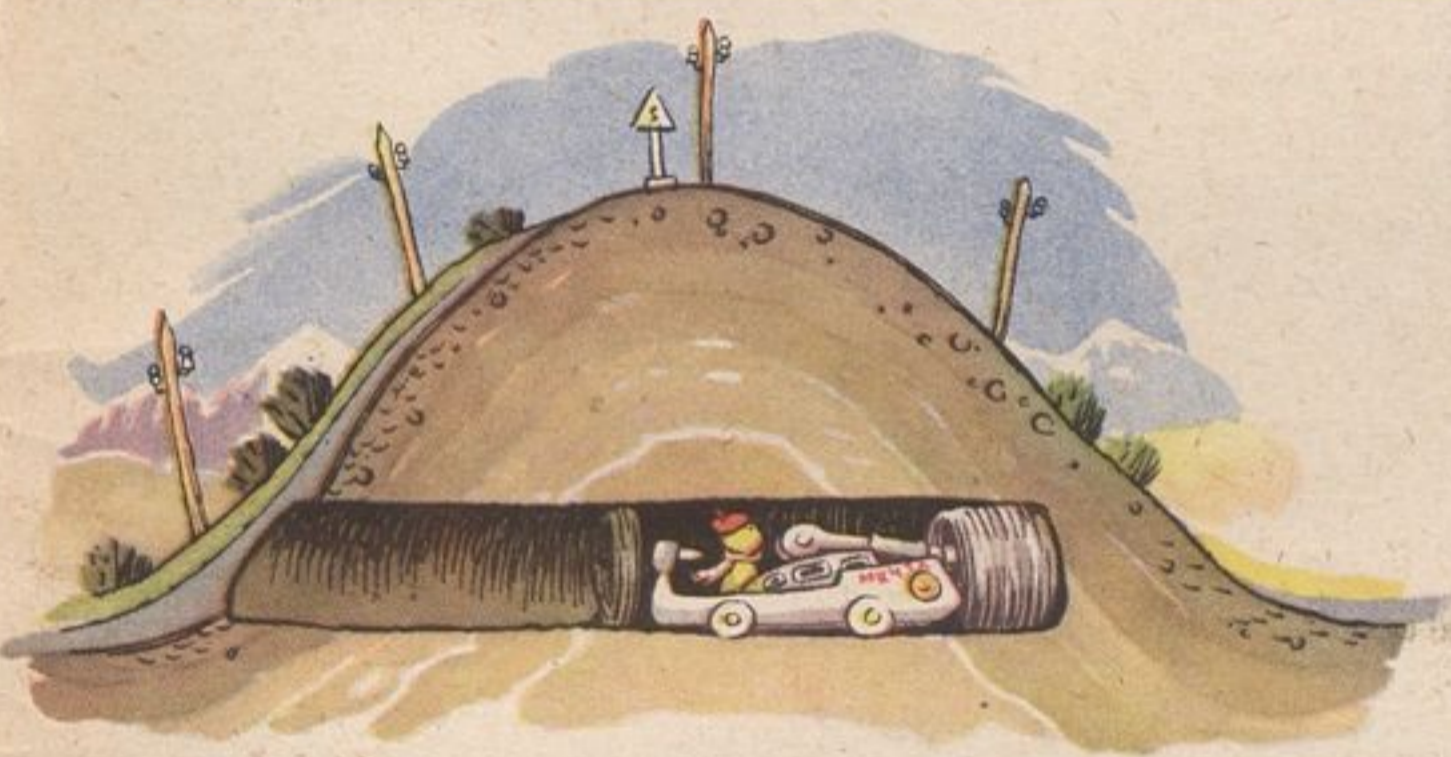
9. Эх, мечтать так мечтать! Загудели пески сыпучие — хотели новый канал замести-засыпать. А потом улеглись: видно, поняли, что не остановить им мечту!

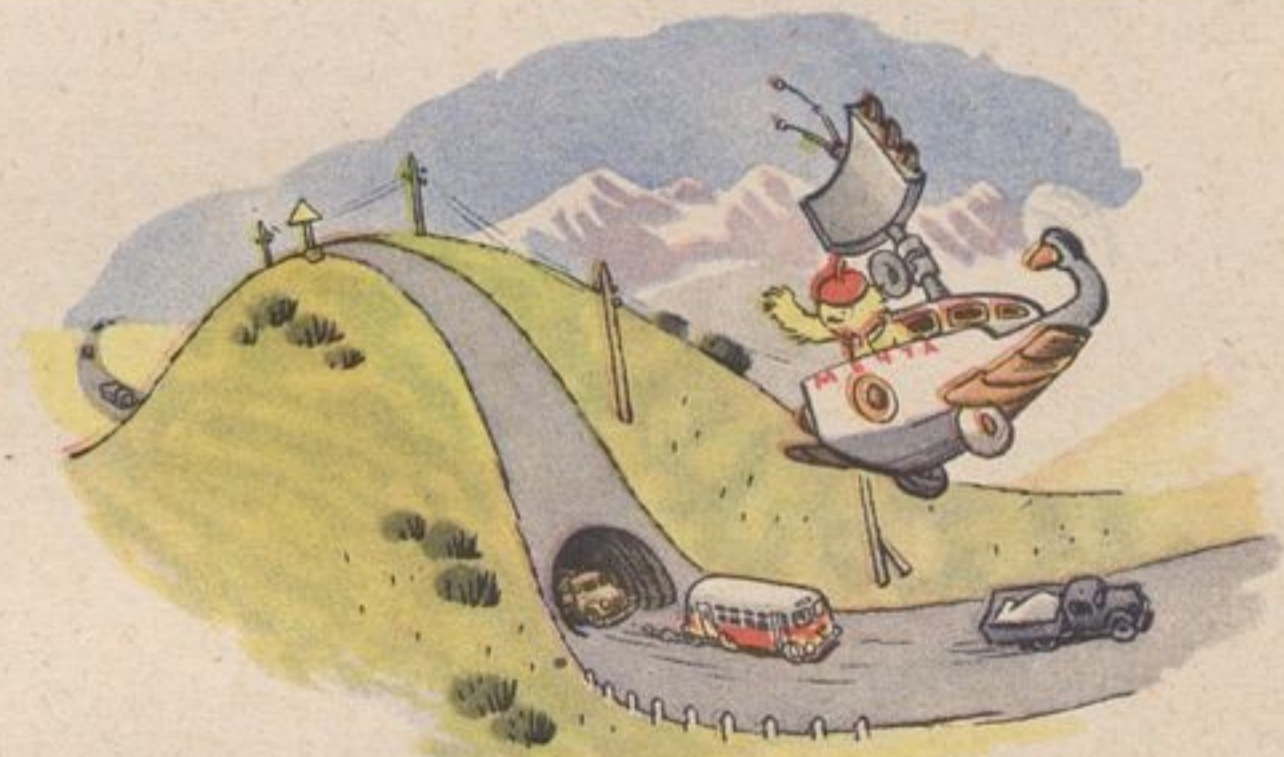
3. Для мечты никакая работа не страшна — только успевай новые задания придумывать. И минуты не прошло, а корабль уже освобождён из ледового плена.

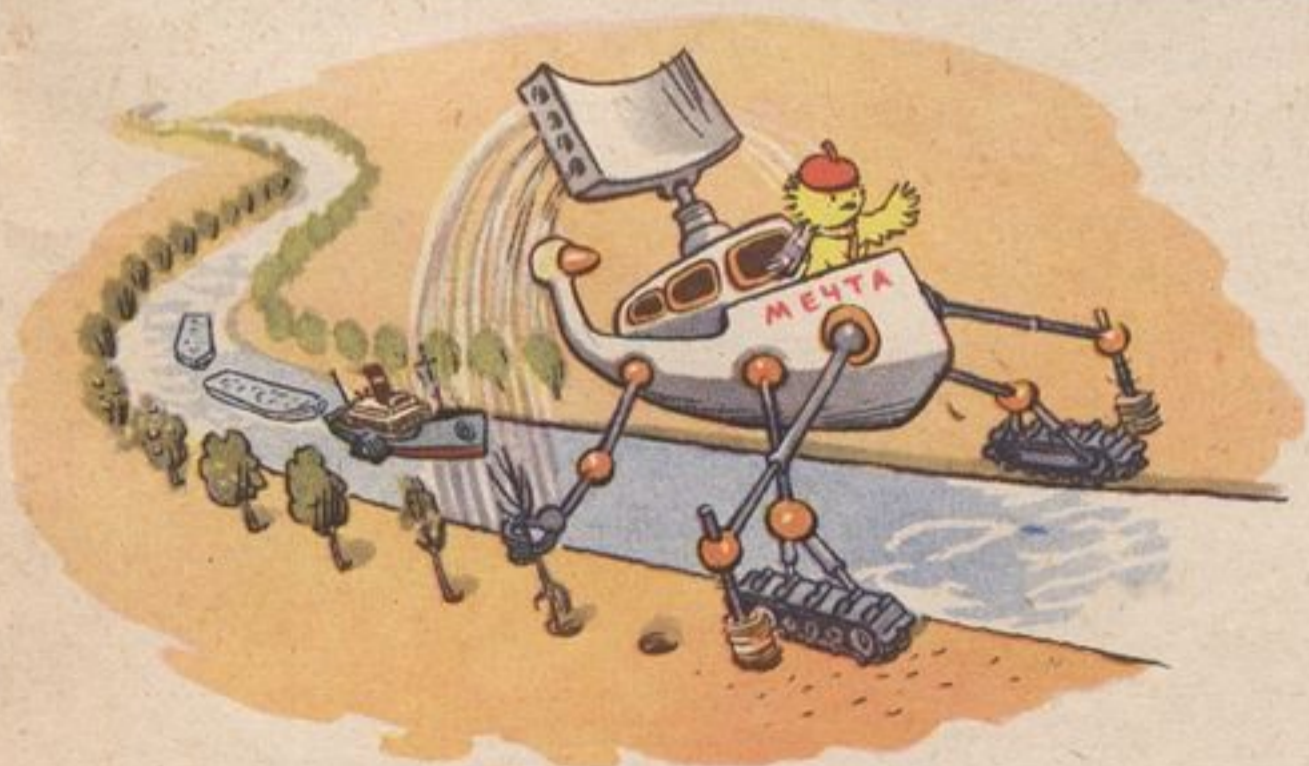
4. Но я всё-таки решил довести его до ближайшего порта. Мало ли что по дороге с ним может случиться, а со мной ему ни льды, ни ветры не опасны.

6. Сначала мне было страшновато: ведь под землю я ещё никогда не забирался. Но с мечтой и под землёй нечего бояться, мечта всюду дорогу пройдёт!

7. Вот и готов новый путь! Машины внизу бегут, а шофёры, наверное, удивляются: «Туда ехали — через гору перебирались, назад едем — пожалуйста в тоннель!»

10. Внизу корабли плывут — «МЕЧТЕ» салютуют. А вдоль канала уже яблоньки выстроились. Будут люди вкусные яблоки есть и вспоминать мою мечту!

На обложке рисунок И. Гринштейна «Владимир Ильич Ленин в четырёхлетнем возрасте».

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ, Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, Е. ЕРШОВА (зам. редактора), М. КОРШУНОВ, Ю. КОРИНЕЦ, С. МАРШАК, А. МИТЯЕВ (редактор), Ю. НАГИБИН, К. ОРЛОВА (ответственный секретарь), Е. РАЧЁВ.

Художественный редактор Ю. Молоканов.
Технический редактор Л. Кириллина

Год издания тридцать седьмой. Цена 10 коп. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Подп. к печати 1/III 1961 г. Бумага 60×92¹/₈. Печ. л. 3 (3), Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 183

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Суцёвская, 21. Телефон: Д 0-45-08.

ПРЫГАЛКИ

Наступила весна, стаял снег. На улице появились ребята со скакалками. Очень занятная эта игра. Можно прыгать со скакалкой и одному, и вдвоём, и троём. А если ребят соберётся много, можно разделить на две команды и провести эстафету: какая команда быстрее пробежит 20 метров со скакалкой.

Прыгалки-скакалки очень нравятся девочкам, а мальчики почему-то реже играют в эту игру. Многие из них, наверно, не знают, что упражнения со скакалкой — хорошая тренировка для спортсменов. Даже для тех, которые побили мировые рекорды. До сих пор прыгает со скакалкой самый сильный человек в мире Юрий Власов, лучший прыгун Валерий Брумель, игрок футбольной команды «Торпедо» Валентин Иванов.

ЯКУТСКИЕ ПОПРЫГУШКИ

В далёкой северной Якутии, где много всяких зверей, люди хорошо знают и повадки зайцев, и лёгкие мелкие шажки белого песка, и стремительный бег северного оленя.

И как соберутся на свой праздник оленеводы и охотники, начинаются состязания. Самое любимое — куорбах. В переводе это значит: «заячий прыжок». Участник со-

ревнования прыгает на двух ногах без разбега. Побеждает тот, кто за одиннадцать прыжков пройдёт больший путь.

Второй вид — ыстанга — прыжки попеременно с правой ноги на левую. Эти прыжки так и называются: «шаг оленя». И третий — кылыы — прыжок на одной ноге.

Когда вы, ребята, будете устраивать такие соревнования, делайте не по одиннадцать, а по пять-шесть прыжков.

Сахреоба

Это грузинская игра-состязание. Её часто устраивают мальчики во время сельских праздников.

Играющие кладут параллельно 5—7 палочек на небольшом расстоянии одна от другой (30—50 сантиметров). Сначала перепрыгивают палочки на одной ноге и отдыхают на камешке, затем возвращаются и уже прыгают по палочкам и снова отдыхают на камешке. Постепенно игра усложняется — прыгают через две палочки и даже через три. Кто собьётся или промахнётся — выбывает из игры.

Ребята! Вы тоже можете научиться играть в сахреобу и устроить состязание у себя во дворе, на площадке, в парке.

ЗАГАДКА-РЕБУС

Я

ПРЫП-СКОК,
ПРЫП-СКОК,
ТО БЕЛ, ТО СЕР,
ОТТОТО И ЦЕЛ.